МЕДВѢДИ.

Въ 1806 году, въ Екатеринославской губерніи, жилъ одинокій хуторянинъ и обработывалъ наймомъ землю свою. Въ домѣ у него было немного людей, и всего то мужикъ и двѣ бабы. Въ народѣ ходила молва, что онъ старикъ скупой и богатый, говорили, что деньги у него запрятаны куда–то, либо зарыты въ землю; другіе сказывали, что у него всѣ деньги въ серебрѣ и золотѣ и зарыты въ избѣ, подъ печкой; словомъ, какъ людямъ всегда завидно бываетъ смотрѣть на человѣка, который живетъ хорошо и ни въ чемъ не нуждается, такъ и тутъ говорили о зажиточности хуторянина, точно будто о преступленіи.

Хуторъ его лежалъ версты съ полторы отъ столбовой дороги, въ сторонѣ, и притомъ въ небольшомъ оврагѣ, такъ что съ дороги только чуть виднѣлись очепы двухъ колодцевъ. Случилось, что неподалеку

этого мѣста сошлись артелью человѣкъ пять цыганъ съ медвѣдями, чтобы условиться здѣсь и разойтись по разнымъ сторонамъ. День вечерѣлъ, стало заволакивать, а тамъ пошло и моросить, какъ въ частое рѣшето. Поводильщики съ медвѣдями своими отправились въ ближайшую деревню и просились ночевать; несговорчивая помѣщица, однакоже, испугалась медвѣдей и ни за что ихъ не пустила. Медвѣди кланялись ей въ поясъ, въ запуски съ цыганами, но ихъ приказано было выгнать.

Нечего дѣлать, пустились цыгане наши дальше и увидѣли въ сторонѣ, сквозь мелкій дождь, очепы колодцевъ. Они, на счастье, своротили и, подойдя къ окраинѣ оврага, увидѣли хорошій садикъ, бѣлую хату со всѣми хозяйственными пристройками, и между прочимъ большой овинъ или сарай. "Вотъ наше дѣло", подумали они, "только бы пустили подъ крышу, больше ничего не надо". Они спустились, подошли къ стоявшему въ окнѣ хозяину и, низко кланяясь, попросились ночевать. Хозяинъ пустилъ ихъ охотно въ

сарай, съ уговоромъ только, чтобы они не разводили огня и не курили трубокъ.

Около полуночи, одинъ изъ цыгановъ проснулся отъ страшной суматохи и крика курицъ, которыхъ видно кто то потревожилъ на насѣсти. Цыганъ подумалъ: зачѣмъ же и кому теперь лазить по курятникамъ? Ужъ не изъ нашихъ ли кто вздумалъ подурачиться? За это хозяинъ намъ плохое спасибо скажетъ. Онъ оглянулся на своихъ и увидѣлъ однако же, что и поводильщики, и медвѣди, всѣ были на лицо. Въ то же время онъ услышалъ, будто издали, какой то глухой крикъ; онъ выглянулъ, окна въ хозяйскомъ домѣ всѣ ярко освѣщены, тогда какъ съ вечера все было темно и спокойно.

Цыганъ всталъ и подошелъ потихоньку къ окнамъ и со страхомъ глядѣлъ на то, что увидѣлъ. Четыре разбойника держали связаннаго по рукамъ и по ногамъ хозяина и съ угрозами тащили его къ огню, на брошенный среди пола зажженный пукъ поломы, а полъ былъ, какъ въ тѣхъ мѣстахъ водится, битый, глиняный.

Очевидно, злодѣи пытали его, добиваясь болѣе денегъ.

Цыганъ кинулся, сломя голову, къ товарищамъ, разбудилъ ихъ, не велѣвъ шумѣть, позвалъ съ медвѣдями за собою. Расторопные, смѣтливые ребята тотчасъ смекнули въ чемъ дѣло и распорядились: трое стали съ медвѣдями вокругъ дома, подъ окнами, четвертый у задняго крыльца, а пятый, съ самымъ смышленнымъ и надежнымъ воспитанникомъ, подошелъ къ переднему крыльцу, гдѣ дверь была приперта разбойниками изнутри. Цыганъ стукнулъ своею дубинкою въ дверь и закричалъ: "Отоприте!" Разбойники опѣшили; онъ стукнулъ еще разъ — всѣ молчали, не зная, что дѣлать, одинъ толко бѣдный хозяинъ сталъ кричать и звать на помощь громче прежняго. Цыганъ велѣлъ медвѣдю подсунуть лапу подъ дверь и тряхнуть ее; Мишка ее и высадилъ изъ петлей, ровно отворилъ калиточку, и заревѣвъ, вошелъ вмѣстѣ съ поводильщикомъ, а прочіе стали также ревѣть и стучать въ окно.

На такихъ понятыхъ разбойники наши не готовились; кинулись назадъ — и тамъ то–же; кинулись въ окна — и тамъ мачихина лапа чуть не причесала; всѣ цыгане съ медвѣдями своими вошли, кто въ дверь, кто въ окно, перевязали разбойниковъ, созвали народу и отправили ихъ въ уѣздный городъ, въ Бахмутъ.

Работникъ и одна баба, бывшіе на хуторѣ, нашлись также связанными, въ передней; а другая баба успѣла бѣжать въ потьмахъ, спряталась со страху въ курятникъ и переполошила всѣхъ куръ, отчего проснулись и цыгане. Хозяина спасли и онъ скоро вылечился отъ побоевъ и ожоговъ, потому что разбойниковъ, къ счастью, еще во–время захватили врасплохъ, и они не успѣли его замучить. Разумѣется, онъ хорошо отблагодарилъ своихъ спасителей и отпустилъ ихъ съ миромъ на всѣ четыре стороны.

Вотъ какъ нежданно Богъ даруетъ спасеніе невинному и караетъ грѣшника. Никто не чаялъ, для чего цыгане сошлись артелью, неподалеку отъ хутора, и пришли

туда ночевать. Мужикъ на мужика о силѣ содѣваетъ а Господь свое содѣваетъ!